

Автор - Роман Куцкий, Сиэтл (США).

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

Иго

Кони снікли, распáлась кольчуга,
Стрелы сгнили, вся в ржавчине сталь,
Под напором бушующей вьюги
Кто-то спит, кто-то пялится вдаль,
Вот собралась дружина на битву,
Знамя князя и крест впереди,
И псалом от распутства забытый,
И рубцы от копья на груди.

Рвутся в бой ошалевшие кони,
Сдержут всадники пыл их. Но вот
Вой орды начинает погоню,
И коней убивает в живот.
И несутся щиты и знамёна,
Поднимаются пыль и тоска,
Из замёрзшего, старого клёна
Неудачна для гроба доска.

Князь заплачет, роняя булáву,
Полегли все его сыновья,

Поделили Отечества славу
И накрылись обломком дубья.
Рать шальная по полю кружится,
Воздух режет тяжёлым мечом,
И стрела от стрелы отличится
Закалённым в огне остриём.

Бородатые витязи, дьякон,
Ошалевший от страха купец,
Скоморох с окровавленным пахом,
С наковальной тяжёлой кузнец,
Грешный вор с перерубленным носом,
Толстый пекарь, худой звездочёт,-
Всех стрела басурманская косит,
Всех в утробу могилы зовёт.

День прошёл,- не окончена битва,
Ночь прошла,- только всё впереди:
Тела боль под кольчугой пробитой,
Да душа, что забыта в пути.
Ох, не чуял никто той тревоги,
Повернувшись к рассвету лицом
Перебиты славянские боги
Затупевшим татарским мечом.

И потом, раздвигая пространство,
И как будто не зная границ,
Открывается новое царство
В пустоте омертвевших глазниц.

Встреча

По дороге кривой, утопая в грязи,
Два голодных слепца утомительно шли,-
Был один бородатый и крепкий,
А другой всё плевал на свои сапоги,
На торчащие пальцы короткой руки,-
Надсмеялись над ним его предки.

За плечами пустые, в заплатках, мешки,
В них картошка, заплесневший хлеб, корешки,
И в кармане бутылъ самогона.
Палкой бодро стуча, впереди-позади,
Не сбиваясь с дороги, не зная пути,
Шли они без добра, без закона.

Шли спокойно они, забывая про боль,
Раз живут в темноте, то не нужен огонь,
В темноте легче им побираться.
Но откуда-то слышен подавленный стон,
Доставай из кармана дурной самогон,
Нелегко на дороге встречаться.

По мёрзлой подстилке холодной земли
Две лошади тощие медленно шли,
За ними тянулся унылый обоз
Мечтаний, волнений, проклятий и слёз.
В телегах лежали тяжёлые сны,
Колёса кусали зубастые псы,
Больные стонали, и раненный в лоб,
Тряся бородой, шёл подавленный поп.
Скрипели осями, оглоблями зря
Пытали пространство. Вставала заря.
На раненых с неба спускался покой,
Кто умер давно, а кто едет домой.
Вот кто-то забился в горячке шальной,
Вот кто-то в припадке залился мочой,
А кто-то давно навсегда присмирел,
Кошачьим зрачком на соседа смотрел.
Вот кто-то от пули, попавшей в живот,
Короткую жизнь свою не доживёт.
Другой, неритмично от боли дыша,
Спиной вспоминал прикосанье ножа.
И нет лейтенанта, он там, позади,
Горячьей шрапнелью разорван в куски.

Вот и встретились молча. Пожатья руки
Ни слепцам, ни покойникам не помогли.
Потоптавшись на месте, расстались.
И понуро лошадки с обузой пошли,
И слепцы в грязь втоптали свои сапоги,
И уже никогда не встречались...

Диктат

Снегом укутан пустует бульвар,
Тускло горят фонари вдоль аллеи,

Зимней поры непосредственный дар
По мостовым разметён и расклеен.

Вот и дома притушили огни,
Как паровозы стоят под парами,
Кажется с места сорвутся они
И понесутся в дальние страны.

Но и дома, и бульвар, и зима
Крепкою цепью прикованы к месту,
Помни и знай - невозможна игра
Без посвящённого в тему оркестра.

А его надо собрать, склотить,
Мыслью единой сплотить его душу,
Все устремления в нём воплотить
И ничего в глубине не нарушить.

Но дирижёр - недоверчив и груб,
Грузно стоит у безмолвного пульта,
И приказанья летят с его губ
С неотвратимостью злого инсульта.

Вот и случился полнейший распад,
Буйный угар диссонирует с целью,
И закружился сплошной листопад,
Тесно обнявшись с холодной метелью.

Ну а зима, и бульвар, и дома,
Так и остались навеки в приколе,
Лишь обезлюдели напололам
И притаились в предчувствии боли.

Только оркестра неистовый гул
Вмиг заглушает любые попытки,
И по бульварам проходит патруль,
Как воплощение казни и пытки.

